

Виктория Тобединская

Быть страстным
и обжигать
холодом...

ПАРАДОКС
СЕВЕРА

Виктория Тобединская

ПАРАДОКС
СЕВЕРА

Север.

Пять букв, которые могут разрушить твою жизнь и разбить сердце.

Но сейчас не о нем.

Хватит!

Я абсолютно точно не хочу рассказывать вам о наглom, высокомерном парне, чье самомнение настолько велико, что потягалось бы с Останкинской башней.

Здесь, у самой границы Польши и Калининграда, в элитной академии, которую я назвала про себя Карточной Долиной, никто не смог бы его остановить. Потому что только он один не побоялся устанавливать собственные правила.

Не смотри ему в глаза.

Не обращай по имени.

Не нарушай законы, большая часть из которых настолько нелепы, что вы не найдете ни одной разумной причины для их существования.

Вот только незнание не избавляет от наказания, которому всегда предшествовали... карточки. Почти как на футбольном поле. Прямоугольный кусок картона, с помощью которого так просто вертеть чужими судьбами. Желтый цвет — предупреждение. Но только дважды. Следующий — красный. Наказание.

Все началось в день, когда у моих ног, словно оторванный от ветки лист, медленно приземлилась самая редкая — черная — карточка, означающая «тебе конец». Еще никто, получив ее, не возвращался обратно. Никто, кроме меня...

Глава 1

КАРТОЧНАЯ ДОЛИНА

Несколькими месяцами ранее...

Понедельник явно не задался. Хотя, судя по лицам тех, кого я успела разглядеть по дороге в аудиторию, для здешних учеников учеба совсем не казалась испытанием.

Семестр был в разгаре, а я только вернулась с очередных соревнований. «Придется нагонять», — подумала, сжимая в руке бумажку, испанную быстрым почерком тренера.

«Основной корпус. Комната 202. Твои чемоданы и форму доставят».

Мимоходом взглянула на свое отражение в зеркальной колонне холла и поправила широкую блузку, заправленную в джинсы. Пусть она и была на пару размеров больше, чем требуется, я урвала ее на распродаже всего за треть цены. Вот только поделиться столь незначительной победой в таком месте, как это, было не с кем. У девушек здесь туфли стоили больше, чем весь мой гардероб.

Несмотря на то что академия позиционировалась как заведение, в котором не делали различий между высшим светом и бедняками, оказавшись здесь, я поняла: эта затея — утопия, ни больше ни меньше. Богатство не скроешь, как бы сильно ты ни старался.

Но со стороны эти попытки выглядели очень благородно. Каждое лето учредительский совет торжественно вручал десять стипендий, одну из которых умудрилась ухватить и я. Но не за успехи в учебе. Все решил спорт, ведь местная команда шпажистов была в плачевном состоянии. Для меня же фехтование давно стало жизнью. Войной в миниатюре, что я упорно вела последние несколько лет.

Зажав между зубами резинку, я собрала волосы в хвост, разгладив тяжелые темные пряди пальцами. Я любила свои волосы, густые и блестящие. Их, вместе со смуглой кожей и острыми скулами, я унаследовала от матери с ее восточной кровью. Дерзкий и непокорный нрав достался в придачу.

Мобильный загудел. Пришло сообщение. «Покажи им всем!» — написала бабуля, не забыв добавить в конце смайлик из сложенных в козу пальцев. Я улыбнулась. Несмотря на восьмой десяток, она умудрилась освоить мессенджер, и я ей очень гордилась. Но напечатать ответ не успела, кто-то толкнул. Телефон, словно кусок мыла, выскользнул из рук и, пролетев пару метров, исчез среди леса ног.

Сотовый мой был ужасно древним. Новый на горизонте не предвиделся, так что я нырнула

ПАРАДОКС СЕВЕРА

следом — спасти, пока не затоптали. Нашла у мужского ботинка. Его хозяин перекладывал книги в свой рюкзак из шкафчика. Я наклонилась, стараясь не задеть головой раскрытую дверцу, но неожиданно мне в руки приземлился белый конверт из тонкой, прозрачной бумаги, внутри которого лежала желтая карточка.

Я поднялась и протянула странное послание парню:

— Ты уронил.

Он обратил на меня взгляд, округляя глаза, а потом замотал головой:

— Это не мое.

Я оторопела:

— А чье?

Мы молча уставились друг на друга. Незнакомец оказался симпатичным. Высокий, широкоплечий, с очаровательными ямочками на щеках и волосами цвета темной меди. Вот только вел себя странно.

— Убери, — шикнул он, заталкивая конверт мне обратно в руки.

Я покачала головой:

— Прости, конечно, но это и не мое, так что разберись сам, ибо...

— Лапуля права, — раздался за спиной насмеющийся голос. И только тогда я поняла, что вокруг вдруг стало слишком тихо. — Ломовой, это послание тебе.

Как лес замирает перед стихийным бедствием, так ученики академии разом умолкли. Как будто кто-то умелой рукой скрутил громкость.

Я обернулась и тут же, чуть не вписавшись носом в плечо незнакомца, отшатнулась.

Парень рассмеялся. Он подкрался незаметно и теперь стоял прямо передо мной, надменно глядя сверху вниз. Возрастом мой ровесник или чуть старше, высокий и худой, как английская борзая. Манерным жестом заправил длинную челку назад, изогнул губы в лукавой полуулыбке и произнес:

— Отойди, Лапуль, чтоб не зацепило. А то случаи бывают разные. Иногда опасные.

Я растерянно заморгала, но послушалась. Тишина же, перепрыгивая с головы на голову, к тому моменту разрослась настолько, что казалось, она живая. Дрожит, шевелится, как натянутая струна, по которой ударили слишком резко.

— Считаю это предупреждением, — донесся с другой стороны голос, буквально излучающий опасность.

Захлопнув дверцу шкафчика, к нам медленно подошел еще один студент. Он был выше первого, с черными, коротко стриженными волосами и почему-то в темных очках.

— Остынь, Страж.

— Просто напоминаю, что это последнее предупреждение. Чтобы ты был благоразумен.

А потом они развернулись и ушли. Так же неожиданно, как и появились. Все вокруг снова ожило. Коридор наполнился звуками и девчачьим смехом.

— Что это было? — оторопела я.

— Не обращай внимания. Просто мажоры развлекаются. На стипендии? — спросил незнакомец,

окинув меня с головы до ног оценивающим взглядом.

Я кивнула. Странно, но факт, которым я по праву должна гордиться, в стенах Карточной Долины почему-то звучал почти непристойно. Как оскорбление.

По его лицу скользнула ухмылка.

— Отличница, значит?

— Не совсем. Шпажистка. Буду выступать за местную команду.

— Тогда мы подружимся. — Он протянул руку. Холодность, пару минут назад скользившая в его взгляде, странным образом испарилась. Ее сменила дружелюбная улыбка. Золотистые искорки заплясали в глазах. — Павел Ломовой. Номер восемь. Местная баскетбольная команда. Приходи болеть. В этом году мы возьмем кубок.

— Амбициозное заявление, — ответила я. — А основная специализация?

— Перевозки и транспорт.

Мне нравилась его улыбка. Она выглядела дружелюбно.

— Идем, провожу.

Я кивнула, уже по дороге спросив:

— А что это было? С теми парнями. И что за карточки?

Он приоткрыл для меня дверь общежития, пропуская вперед.

— Забудь. Просто повздорили во время последней игры, вот и цепляются. Не все умеют распоряжаться властью.

— Чувствую, здесь будет весело.

— Более чем, — ответил Павел. — Кстати, о веселье. Наша компания собирается сегодня вечером, придешь? Отпразднуем начало учебного года.

Мы уже остановились возле двери комнаты 202. Она оказалась прямо в конце коридора, рядом с пожарной лестницей. Я сверила табличку с номером на брелоке в моих руках. Вот и новый дом на ближайшие пять лет.

— Я подумаю, — ответила я, вставляя ключ в замочную скважину.

— Отлично, тогда я зайду в девять!

— Эй! — Я против воли рассмеялась. — Я не сказала «да».

— Но и «нет» тоже. Так что до вечера! — Паша поправил на плече лямку рюкзака и, обернувшись, крикнул напоследок: — Кстати, как тебя зовут?

— Диана, — ответила я и закрыла за собой дверь.

Я осмотрелась. Друг напротив друга стояли кровати, разделенные столом. Вот только стол был один, а шкафов для одежды — пара. Видимо, вопрос, куда вешать гардероб, в этом месте гораздо актуальнее того, где выполнять домашние задания.

Левая половина комнаты напомнила американские молодежные фильмы. Плакаты, планеры, огромные бумажные цветы на стене и даже пара чирлидерских помпонов, хотя в академии, насколько мне известно, чирлидеров никогда не было. Моя половина на контрасте напоминала койку из приюта. Пустые стены, минимум вещей.

Пару часов ушло, чтобы развесить одежду в шкаф, попятиться в потолок, а потом со скуки изучить карту кампуса.

Хлопнула дверь.

— О, приветик!

У вошедшей девушки оказались зеленые, как изумруды, глаза и светлые волосы до пояса, до того гладкие, будто их только что отполировали. От нее пахло шоколадным печеньем и мармеладными мишками, да и она сама была похожа на завернутую в блестящую обертку конфетку.

— Леся, — протянула девушка тонкую руку, на запястье которой позвякивало минимум два десятка браслетов. — Старостина. Не потому что староста, потому что фамилия такая. Дурацкая.

— Диана, — улыбнулась я в ответ.

— Я тут уже заняла, давай помогу разложиться. — Не дожидаясь ответа, она схватила мою сумку и принялась выгребать оттуда оставшиеся вещи. — Отец сказал, чтобы я научилась быть более приземленной. Если ты понимаешь, конечно, о чем я. У вас комнаты просто мрак. — Под «вас» она, очевидно, имела в виду стипендиатов. — Как кладовка, ей-богу. Но раз я поступила на социологию, то вроде как должна быть ближе к простым людям. Надеюсь, ты не против?

Молча моргая, я кивнула, уставившись на то, как это чудо выгребает из сумки мои скромные пожитки.

— Зачем столько книг?

«Это учебники», — хотела ответить я, но из справочника по спортивным травмам выпала

фотография, и, прежде чем я среагировала, Леся успела ее перехватить.

— А это кто? Твой парень?

— Он... нет... не совсем...

К подобным расспросам я явно не была готова.

— Симпатичный.

Открыв ящик и достав оттуда кнопку, она приколола фото к пробковой стене над столом.

— Пусть здесь висит. Да, собирайся, мы опаздываем.

— Куда?

Я принялась мысленно перебирать поводы, по которым могла бы отказаться, но взгляд Леси не оставил мне даже шанса.

— Туда, где нас уже ждут. — Девушка подмигнула и скрылась в ванной.

За время учебы в школе я не была ни на одной вечеринке, поэтому знания о них ограничивались исключительно фильмами, но легче от этого не становилось.

Пока мы шли до места, Леся без остановки жаловалась, что новый тон метеоритов от «Герлен» совершенно не видно на коже. Я понятия не имела, как метеориты можно размазать по лицу, не говоря уже о том, как вообще поставить их в одну связку со словом «кожа», но периодически кивала, делая вид, что понимаю, о чем речь.

— Нам сюда. — Девушка дважды постучала; из-за двери доносились звуки музыки и голоса. — Не отходи от меня ни на шаг.

Я и не собиралась.

— Кстати, выглядишь отлично.

До Леси в ее коротком платье с V-образным вырезом на спине мне, конечно, было далеко, но выглядела я на самом деле неплохо. Несмотря на протесты, она нацепила на меня переливающийся топ и черные джинсы в обтяжку. Правда, настолько узкие, что я боялась в них даже сесть. Волосы же собрала в хвост, открывая шею и длинные серьги. Тоже принадлежащие Старостиной.

Переливаясь, как новогодняя елка, я не чувствовала себя собой. Особенно в туфлях на каблуке. Но еще до поступления сюда дала обещание начать сначала. Так почему бы не сделать это сегодня? Выдохнув и нацепив на лицо улыбку, следом за Лесей я вошла внутрь.

Место, в котором мы оказались, за комнату общежития можно было принять не сразу. Во-первых, она была больше нашей раза в три. Теперь я ясно осознала, о чем толковала Старостина, сетуя на скудость комнат стипендиатов. Во-вторых, была полна народу. Вокруг толклось такое количество людей, что я почувствовала себя брошенной в муравейник.

Часть ребят, сидя прямиком на полу, во что-то азартно играли и громко смеялись. Кто-то зажимал кого-то в углу. Кто-то просто тихо беседовал. К последним я и хотела примкнуть, вот только не знала ни души. Парни, мимо которых мы проходили, тарачились на нас. На Лесю по большей части. Один даже споткнулся и упал, слишком драматично приземлившись у ее ног.

— Если ты считаешь, что я поведусь на это, зря стараешься, — осадила неудачливого романтика Леся.

Заметивший меня Павел энергично зама- хал рукой, подзывая. Мне было жутко неуютно, но разворачиваться и идти обратно — еще хуже, а Леся куда-то испарилась, так что выхода не оста- лось. Если бы я знала тогда, чем это все обернется, развернулась бы и бежала со всех ног. Но я не знала.

— Что, Ломовой, первый день начался с пред- упреждения? — подколот Пашку кто-то. — Ходят слухи, Север собирается тебя турнуть в этом году.

— Бред, — отмахнулся тот. — Если бы он о подобном заикнулся, Макс бы выдал все на вче- рашней тренировке.

Я осторожно присела рядом:

— А что, этот... Север может здесь что-то ре- шать?

Казалось, я произнесла величайшую в мире глупость. Присутствующие настолько картинно закатали глаза, что это выглядело даже комично.

— Новенькая, — спас меня Паша.

Сидящая напротив блондинка сжала губы и отвернулась, перебросив волосы через плечо. Будто смотреть на меня ей было противно.

— Увидишь — мимо не пройдешь, — произ- несла она.

— Я сталкивался с ним лишь однажды, — под- хватил парень рядом с девушкой. — Предпочту не повторять.

— Он псих.

— Да просто у него крыша крепкая.

— Говорят, он сломал девятикласснику три ребра и ничего ему за это не было.

ПАРАДОКС СЕВЕРА

— За что? — не выдержала я, только никто не ответил.

— На следующий день бедолага получил черную карточку. Больше его никто не видел.

— В каком смысле?

— В прямом. Он пропал.

Пока присутствующие вдохновенно делились своими историями, я лишь молчала, впитывая как губка. И хотя еще ни разу этого Севера не видела, успела послушаться достаточно.

Стильные шмотки, дорогущая машина, а также власть изгнать любого, кто ему не понравится. Некоторые утверждали, что он способен на вещи и похуже, но тут же меняли тему. Те, кто постарше, помнили, как пару лет назад он сам был неуправляемым подростком, регулярно разбивающим отцу автомобили, парням лица, а девушкам сердца. Гулял безбожно, дрался безрассудно, ведь где-то ему сломали обе ноги, — но все это в прошлом. Одно я поняла точно: никто не произносил его имя безразлично. Это делали либо с ненавистью, либо с опаской, но чаще с нескрываемым восхищением.

— Никогда не видела, чтобы он хромал. По-моему, трость — просто атрибут. Для устрашения.

— Не болтай ерунды, — подхватила та самая блондинка, что мне не понравилась. Было в выражении ее лица что-то отталкивающее. — У него и так достаточно власти сломать кого угодно. Наоборот, какая требуется сила, чтобы ежедневно преодолевать свою недееспособность.

— Сама ты недееспособная, Ульянов, — съязвил Пашка. — Недееспособные — на голову больные. Хотя тебе, видимо, виднее.

Все громко заржали. Павел подмигнул мне, вгоняя в краску. Девушка же, прищурившись, насупилась. Поняла, что облажалась. И обида буквально сквозила в ее лице. Было занятно наблюдать, как она тут же постаралась перевести тему, скрывая свой промах. Но в этот момент я отчетливо поняла: мне здесь не место.

Я окинула взглядом комнату в поисках Леси, но не нашла. Все принялись играть в «правду или действие». За полчаса я наслушалась пошлостей, насмотрелась диких танцев, оценила минимум три варианта стриптиза в исполнении первокурсников, от которого все хохотали так, что тряслись стекла, но краем уха продолжала следить за разговором, периодически возвращающимся к компании Севера.

Вторым в ней был Антон Уваров. Девчонки его звали Тон, а парни — Страж. Почему, я так и не поняла, но, увидев сегодня, выяснять не имела ни малейшего желания. Он был следующим в иерархии после Севера и, как болтали, делал только то, что тот ему поручал. Если Севера боялись просто по умолчанию, Страж был законченным садистом и редкостной мразью. Подонком без единого принципа и карающим мечом этого холодного королевства. Кожаная куртка, пластыри по всему лицу, незаживающие костяшки пальцев. Даже самые отбитые ученики обходили его стороной.